

УДК 316.352.2:330.33.01

Митякина М.Г.*Российский университет дружбы народов (г. Москва)***ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СЕМЬЕ В РАМКАХ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО
ОБЩЕСТВА: СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ СДВИГ**

Аннотация. В центре внимания автора статьи – проблемы современного состояния института семьи в контексте постмодернистского общества. Трансформация семьи рассмотрена сквозь призму философских концепций современности, которые описывают общество постмодерн с одной стороны как мультивариативное, «кризисное», «шоковое», а с другой – как общество «свободы», «потребления», «массовой культуры», «мобильности», «индивидуализма». Автор обращает внимание на то, что в условиях постмодерна такие ценности, как семья и дети, отходят на второй план, уступая место самореализации и безопасности. Большие, многодетные семьи при этом становятся не просто редкостью в современных обществах западного типа, но и начинают расцениваться как проявление девиантного поведения.

Ключевые слова: семья, кризис семьи, многодетная семья, детность, постмодернизм, ценностные ориентации.

M. Mityakina*People's Friendship University of Russia***POST-MODERN VISION OF A FAMILY:
STRUCTURAL AND FUNCTIONAL SHIFT**

Abstract. This article focuses on the problems of modern families within the frameworks of post-modern society. The author of the article considers the transformation of a family in the light of philosophical concepts of modernity that describe the postmodern society as multi-variant, «crisis», «shock» on the one hand and as a society of «freedom», «consumption», «mass culture», «mobility», «individualism» – on the other. The author points out that in postmodern societies such values as family and children are losing their significance thus giving way to the feelings of self-actualization and safety. Large families with many children are going to be regarded as unusual and even deviant.

Key words: family, family crisis, family with many children (large family), parenthood status, postmodernism, value attitudes.

Основной тенденцией общества XXI в. стала нарастающая и непрерывная трансформация всех сфер жизни и деятельности людей. Процессы глобализации, унифицирующие культурные, национальные и социальные особенности стран и этносов, сопровождаются процессами глокализации, нарастанием роли отдельных регионов и малых общностей в общемировых процессах. Основными характеристиками современности стали непрерывные, стремитель-

ные масштабные изменения, которые не только сделали социальную среду мультивариантной, но и увеличили «пространство поиска решений», «горизонты понимания»; при этом сами механизмы как устоявшиеся, закреплённые социальным опытом способы реагирования и адаптации к условиям среды устаревают, становятся недостаточно эффективными. Неопределённость, фрагментарность настоящего и туманность будущего в условиях «растекающейся модернити» порождают в человеке чувство фрустрации, боязнь непредсказуемости, возрастает индивидуализация, стираются границы социальных групп, растёт обособленность и разобщённость индивидов. По мнению одного из ведущих философов современности Э. Гидденса, «главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитизмом», а семья выступит как «поле боя между традициями и современностью» [5, с. 20].

Мыслители современности (Ж. Бодрийяр, У. Бэк, З. Баум, Э. Тоффлер, Э. Гидденс) описывают общество «свободы», «потребления», «массовой культуры», «мобильности», «индивидуализма», в котором семья и семейные ценности отходят на второй план.

Растущее число разводов, увеличение возраста вступления в брак, снижение уровня рождаемости и депопуляция – лишь некоторые процессы, захватившие большую часть стран мира, являются свидетельством трансформации роли и функций семьи.

Наряду с другими специфическими чертами семьи новое значение и воплощение приобретает такая её ха-

рактеристика, как детность, т.е. количество детей в семье¹.

Необходимость в рождении большого количества детей в семье в доиндустриальную эпоху была обусловлена социальными, экономическими, демографическими факторами. Высокая рождаемость компенсировала высокую смертность. Дети принимали активное участие в семейном производстве, являлись восприимчивыми делами родителей, их опорой в старости. Большое количество детей являлось залогом успешной, стабильной жизни семьи, её жизнеспособности в обществе.

Для современного человека многодетная семья скорее является «отягчающим фактором», нежели благом и уж тем более необходимостью. Современность требует от человека постоянного движения, развития, мобильности (и не только перемещения в пространстве), смены статусов, ролей, «масок». Человек общества модерна становится всё более эгоистичен, нацелен на развитие и реализацию собственного «социального капитала», менее способен к самопожертвованию, соотносению собственных желаний и целей с жизненными траекториями ближайшего социального окружения.

Современный индивид стремится «сбросить лишнее», чтобы стать более

¹ С точки зрения демографии по данному критерию принято деление семей на бездетные (отсутствие детей в семье), малодетные (1–2 ребёнка), среднететные (3–4 ребёнка) и многодетные (5 детей и более). Данная типология составлена демографами на основе успешности реализации семьёй её главной функции – воспроизводства населения. «Речь идёт о выделении демографических типов семей по детности как социологической характеристике определённого типа репродуктивного поведения» [10, с. 160].

лёгким, мобильным. В таких условиях семья и дети выступают как препятствие на пути совершенствования собственных качеств, «тормоз в развитии» и т.п.

Происходит постепенный, но неуклонный разрыв с традиционным, ритуальным, семейным образом жизни. Городские стереотипы и идеалы, укрепляющиеся в сознании людей, привели к тому, что человек начал всё больше утрачивать чувство принадлежности к малой группе, духовную и эмоциональную близость с узким кругом своих единомышленников, с тем, что Ф. Теннис назвал *Gemeinschaft* или «общностью». В городском обществе формальных законов, «избирательной воли» и мирских идеалов нет места искренности, интимности, заинтересованности в ближнем; «совместное проживание становится всё более независимым от совместной сущности» [12]. Межличностные отношения людей, согласно Г. Зиммелю, всё больше характеризуются такими чертами, как «отвращение, взаимная отчуждённость и отдалённость» [8]. Человек становится хозяином своей судьбы, но остаётся один. Он постоянно ищет социальных контактов, прежде всего как показателя успешности и общественного признания, при этом сам продолжает оставаться одиноким, сохраняя определённую долю отчуждения от каждого, с кем вступает во взаимодействие. Сформировавшийся к середине XX в. феномен «Одиночества в толпе», описанный Д. Рисманом, является в том числе результатом воздействия таких процессов, как «увеличивающаяся раздробленность общества вместе с растущей социализацией, высокая степень мобильности, неопределён-

ность традиционных социальных границ, распад традиционных групп и короткая жизнь групп, претендующих на своё место, высокий уровень ожидания, связанного с социальной позицией» [14].

Семья как малая группа в целом, и многодетная семья в частности, оказалась под угрозой сначала редуцирования, а затем и исчезновения. Многодетная семья стала редкостью, а репродуктивные установки на рождение большого количества детей расцениваются как сингулярность, «странность» и даже девиантное поведение.

В современную эпоху в полной мере проявляются тенденции по снижению брачности и рождаемости, росту разводимости и появлению новых, нетрадиционных форм семейной организации. Предостережение Дж. Хоманса о том, что «цивилизация, которая ради прогресса и роста разрушает малые жизненные группы, сделает людей одинокими и несчастными» [14], актуально и по сей день [1].

Постиндустриальное общество конструирует новый тип человека. Основными категориями анализа ценностного пространства становятся «богатая личность» и «многомерный человек» [14]. Развивается новый сектор экономики – «производство человека» [9]. В конце XX в. отмечается рост значения и роли «человеческого капитала». Основной формой жизнедеятельности становится развитие человеческих способностей. Это выражается в росте доли государственных, коллективных и частных расходов на обеспечение социальной защиты, здравоохранения, образования, культуры; в увеличении доли затрат времени на воспитание и развитие лич-

ности, освоение знаний и ценностей культуры, ведение здорового образа жизни.

В таких условиях вопрос рождения ребёнка получает новое осмысление. Ребёнок начинает рассматриваться как «долгосрочный проект», требующий от родителей значительных материальных и духовных затрат [7]. При этом ценность самореализации и независимости остаётся одной из главных ценностей постиндустриального общества.

Анализируя западное общество 1970-х годов, Ж. Бодрийяр называет его «обществом потребления», в котором свобода выбора и индивидуализация приобретают специфические черты. «Общество потребления (вещей, товаров, рекламы) впервые в истории предоставляет индивиду возможность вполне раскрепоститься и осуществить себя» [3, с. 201], культивируя «самоосуществление личности», «обязательную подвижность» и право выбора как основную «благодать и как знак формальной свободы» [3, с. 153].

Развитая экономика, рост производства и технологические новшества в производстве товаров и услуг создают в обществе миф изобилия, разнообразия, «постоянно обновляющегося прейскуранта возможностей и вещей», обладание которыми выводит индивида на соответствующие высокие позиции в обществе.

Вечно ускользящий идеал общества многообразия заставляет людей постоянно создавать и потреблять всё новые и новые товары, дабы сконструировать свою подчёркнутую индивидуальность. Обладание новым, непохожим есть способ достижения социального отличия, на котором держится современная цивилизация.

Массовая культура основана на принципе новизны, перемен, недолговечности, быстрого устаревания вещей. Погоня за количеством неизбежно ведёт к «потере качества» всех процессов и явлений. Все эти противоречия отразились и на статусе семьи, как социальной группы и социального института. «Индивидуальная конкуренция и мобильность, требуемые в сфере производства, в семье наталкиваются на в корне противоположное требование: самопожертвование ради другого, растворение в проекте коллективной семейной общности» [2, с. 173]. Смысл семейного существования и «достижительная» политика современности плохо уживаются друг с другом. Их антагонистическое сочетание ставят человека перед выбором между малой группой и диктуемым обществом индивидуализмом. «Высвобождение из традиционных заданностей» мыслится как прогрессивное социальное явление, которое, по сути, приводит к страшному результату: базовая ячейка общества не находит места в современном его типе. «Оказавшись перед выбором из двух крайностей – семья или не семья, – всё большее число людей теперь «выбирает» третий путь: противоречивую, плюралистическую суммарную биографию на переломе» [2, с. 185]. Одна семья на всю жизнь, единство родительской, брачной и индивидуальной биографии становится всё большим исключением, «правилом же становится специфическое для каждой жизненной фазы метание между разными семьями «на время» или нефамилиальными формами совместной жизни» [2, с. 186]. В новых формах семьи и брака индивиды ищут тот идеал многооб-

разия и индивидуальности, который диктуется им обществом потребления.

Одним из вариантов такого поиска стало возникновение нового социально обусловленного элемента в цепочке «многодетность – среднететность – малодетность», а именно такой тип детности, как массовая добровольная бездетность, не получающая осуждения со стороны общественного мнения. В семьях подобного типа отсутствие детей связано не с объективными, внешними причинами, как то: финансовые трудности, болезнь супругов и т.д., а в силу отсутствия у пары самого желания иметь ребёнка, отсутствия потребности в детях. Отказ от рождения детей означает для страны резкое снижение численности населения, демографическую яму, которая в конечном итоге может привести к вымиранию населения.

«К счастью, – пишет А.Б. Синельников, – в мире нет ещё ни одной страны, в которой добровольная бездетность была бы характерна для большинства семей. Однако в США и некоторых других европейских странах с высоким уровнем жизни и экономического развития и сильной иммиграционной притягательностью масштабы бездетности, в том числе добровольной, уже очень велики» [11, с. 43].

Главным аргументом в пользу добровольной бездетности сторонники этого демографического феномена выдвигают либерализм и демократичность общества, поскольку оно предоставляет людям свободу выбора (в частности – демографического поведения). В таком обществе могут выбрать бездетный брак как один из социально приемлемых вариантов поведения.

Постмодернистское общество характеризуют как информационное.

«Информационное общество» – это прежде всего «общество знания», в котором информация и её производство являются приоритетными направлениями, основными «двигателями» динамики социальной организации.

Образование в современном обществе является показателем качества жизни семьи и уровня развития индивида (ребёнка). Усложнение знаний, необходимых для социализации и последующей трудовой деятельности, приводит к продлению сроков обучения. Вместе с этим возрастает период материальной зависимости ребёнка от родителей. Воспитание «полноценной», развитой личности требует от семьи значительных материальных вложений, что становится одной из причин отказа от рождения ребёнка.

Общество конца XX в. столкнуло человечество с переменами, к которым оно не было готово, для которых не оказалось выработанных механизмов и средств решения. Согласно Э. Тоффлеру, такая ситуация сложилась в силу влияния трёх основных факторов – «быстротечность, новации и многообразие», которые «формируют период исторического кризиса приспособленности к жизни» [13, с. 284].

Наступление эпохи знаний и формирование мирового информационного пространства совпало с протекающими в экономике, науке, культуре процессами глобализации. Как справедливо отмечает З. Бауман, «глобализация – это прежде всего глобальные последствия, а не глобальные инициативы и действия» [1, с. 86].

Общество конца XX – начала XXI в. продолжает испытывать на себе последствия сильнейшего культурного сдвига, который произошёл вслед за

индустриальными преобразованиями ещё в середине XX в. и в научном сообществе получил название «постмодерн». Теория постмодерна глубже, чем иные теории трансформирующегося общества, проникла в суть явлений и процессов, происходящих на уровне индивидуального и группового сознания. Иначе раскрываются феномены социетального уровня общества.

Основными ценностями XXI в. стали движение, скорость, мобильность, потребление. Основным «критерием, в соответствии с которым общество потребителей делится на «верхи» и «низы», является степень мобильности – свобода выбора местонахождения» [2, с. 123]. Низкая мобильность просто невозможна в постоянно меняющемся мире. Индивиды всё время перемещаются, меняют место работы, жительства, привычки, вкусы, интересы, статусы и т.п. «Глобальная свобода передвижения – это знак повышения социального статуса, взлёта и успеха, а неподвижность источает отвратительный запах поражения, неудавшейся жизни, заброшенности» [2, с. 170]. Свидетельством этого являются выявленные в ходе многочисленных исследований последних лет настроения респондентов, в которых они в качестве одной из основных причин отказа от семьи и рождения детей называют: «Я не хочу рожать детей, потому что дети – это навсегда» [7]. В мире многообразия рождение ребёнка воспринимается как конец «своей жизни», «социальная смерть». Семья и рождение ребёнка продолжают сохранять ценность лишь в качестве одной из возможных альтернатив действия, а не смысла и цели жизни.

Однако З. Бауман указывает и на другую причину отказа современного человека от создания большой, много-

детной семьи. В современную эпоху, вследствие отсутствия чётких императивов действия и недостатка уверенности в успешной реализации жизненных планов, индивиды осознанно отказываются от принятия долгосрочных целей и задач. Очевидно, что семья, предполагающая стабильность, размеренность, привязанность к одному месту и ответственность, проигрывает новым идеалам современности. Потрясения техногенного, экономического, политического, культурного и др. характера не позволяют индивиду (даже при большом желании) обзаводиться долгосрочными связями и обязательствами. Современный человек не может поручиться даже за собственное будущее, не говоря уже о том, чтобы взять ответственность ещё за кого-то. И здесь уже проблема не в индивидуалистических наклонностях и превозношении личных интересов над интересами семьи, а в страхе и опасении за тех, с кем ты теперь связан одной судьбой, в разделении ответственности. Неуверенность заставляет человека отказаться от тесных межличностных связей.

Неопределённость в настоящем и неуверенность в завтрашнем дне заставляют людей постоянно просчитывать свои действия, пытаться предугадать возможные опасности и предупредить катастрофы.

«Риск» как социальный феномен стал одной из фундаментальных черт современного общества. Теоретики «общества риска» отмечают, что «в условиях современности, как для обывателей, так и для экспертов-специалистов в какой-либо области мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным заня-

тием, отчасти даже незаметным» [4, с. 107–134]. Необходимость постоянной рефлексии по поводу настоящего и будущего, перманентная «калькуляция рисков» приводит к тому, что в эпоху поздней современности «чувствовать себя свободно становится весьма проблематично». В мире «рисков со значительными последствиями» (high-consequence risk) выбор человека в пользу абстрагирования от глобальных систем означает обращение к более устойчивым и проверенным паттернам поведения, что возвращает его вновь к идее традиционных ценностей. В отличие от З. Баумана, который утверждал, что индивиды не готовы вступать в долгосрочные связи и принимать на себя ответственность за других, Э. Гидденс видит в таких связях один из немногих способов преодоления современной разобщённости и опасений. Последний рассматривает роль религиозного фундаментализма как возможного ответа на страхи и неуверенность современного мира, способного дать людям реальные ориентиры и поддержку в принятии «роковых решений». Основываясь на идее значимости внутригрупповых и межличностных связей индивидов в современном обществе, мы считаем возможным развить мысль учёного и предположить, что семья, как непреходящий атрибут традиционного сознания, также может стать для современного человека зоной защиты и доверия, позволяющей не только обрести самоопределение, но и осознать, какие жизненные ориентиры и ценности наиболее важны. Ещё в конце XIX в. Э. Дюркгейм, исследуя причины трагические следствия и способы предотвращения социальной разобщён-

ности людей, отмечал, что «семейный союз точно так же, как и религиозный, является могучим предохраняющим средством от самоубийства» [6]. Стоит отметить, что имеется в виду не брак, а семья, «сплочённая группа, образуемая родителями и детьми». Защита от самоубийства тем сильнее, чем больше семья, количество входящих в неё членов. Такая семья сплочивает, объединяет, вызывает чувство принадлежности, ассоциации с группой, оказывает поддержку и понимание своим членам.

Таким образом, поступательное уменьшение доли больших, многодетных семей, происходящее на протяжении XX – начале XXI вв. под влиянием социокультурных, научно-технических, урбанистических сдвигов в обществе, должно расцениваться как свидетельство аномальных, дестабилизирующих социальных процессов, влекущих за собой ряд проблем, как для индивида, так и для общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. – М.: Весь Мир, 2004. – 188 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: РУДОМИНО, 2001. – 218 с.
4. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
5. Гидденс Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. – М.: Весь мир, 2004. – 120 с.
6. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр.; Под ред. В.А. Базарова. – М.: Мысль, 1994. [Электронный ресурс]. – URL:

- http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/Durkgeim/07.php (дата обращения 20.03.2014).
7. Забаев И. «Своя жизнь», образование, деторождение: Мотивация репродуктивного поведения в современной России // Вестник общественного мнения. – 2010. – № 3. – С. 87–97.
  8. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – №3-4. [Электронный ресурс]. – URL: <http://magazines.russ.ru/logos/2002/3/zim.html> (дата обращения: 15.03.2014).
  9. Красавина Т.В. Содержание, формы, особенности постиндустриального общества // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 5. – С. 30–39.
  10. Медков В.М. Демография: учебник. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2011. – 683 с.
  11. Синельников А.Б. Трансформация семьи и развитие общества: учеб. пособие / А.Б. Синельников. – М.: КДУ, 2008. – 320 с.
  12. Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 206–229.
  13. Тоффлер Э. Шок будущего: Пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2002. – 557 с.
  14. Уильям А. Садлер и Томас Б. Джонсон. Лабиринты одиночества / Пер. с англ. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.Е. Покровского. – М.: Прогресс, 1989. – 624 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/loneano4.htm> (дата обращения: 10.03.2014).